Опыты

Автор:
Мишель Эке́м де Монтень

Опыты

Мишель Эке?м де Монтень

Популярная философия с иллюстрациями

Мишель де Монтень – французский писатель и философ XVI века, один из самых ярких представителей эпохи Возрождения. Сборник литературно-философских эссе «Опыты» стал его главным трудом, работа над которым длилась десять лет. В них Монтень выступает в роли тонкого наблюдателя, рассматривая государственное управление, отношения между людьми, власть над собственной волей, вопросы общечеловеческих ценностей. Философ писал легко и живо, в названии глав точно отражая их темы: «О дружбе», «О страхе», «О пьянстве», «О раскаянии», «О славе» и другие. «Опыты» – книга, которую цитировал Шекспир, с которой яростно спорили Паскаль и Декарт и которой восхищался Вольтер. И спустя время она станет пособием для тех, кто увлекается философией.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Мишель Эке?м де Монтень

Опыты

© А.С. Бобович, перевод, 2023

© Н.Я. Рыкова, перевод, 2023

© Н.Н. Плужникова, сост. и предисл., 2023

© Издательство АСТ, 2023

© Издательство АСТ, 2023

* * *

Исследователь природы человека

Уважаемый читатель!

Перед вами книга известного французского философа и писателя эпохи Позднего Возрождения Мишеля де Монтеня. «Опыты» – его главный философский труд. В нем содержится квинтэссенция философских размышлений Монтеня о сложности и многообразии человеческой природы. Поистине вечные философские вопросы встают перед нами на страницах этого замечательного произведения.

Каждой исторической эпохе – свой философ. Безусловно, Мишель де Монтень был наиболее ярким выразителем идей своего времени. Он родился в первой половине XVI в., в период сложных социально-политических и экономических изменений, происходивших во французском обществе. Франция в течение второй половины XVI в. проходила период становления абсолютной монархии, отягощенный внутриполитическими противоречиями между католиками и гугенотами, результатом которых была череда гражданских войн. Это был момент острой политической и религиозно-идеологической борьбы за власть. К ярким событиям этого времени можно отнести начало религиозных войн между католиками и протестантами (1562 г.), Варфоломеевскую ночь (1572 г.), День баррикад (12 мая 1588 г.). Столкновения между гугенотами и католиками, которые происходили из разных социальных слоев дворянства и буржуазии,

кровопролитные восстания ремесленников и рабочих – свидетелем всех этих событий, в основном, в Париже, был М. Монтень. Безусловно, острая политическая ситуация не могла не сказаться на его творчестве.

С другой стороны, Мишель де Монтень жил в век расцвета гуманистических идей во Франции. Культурный Ренессанс, высвобожденный и распространяемый Итальянским Возрождением, принес во Францию беспрецедентное развитие интеллектуальной, философской, научной и литературной мысли. Все отчетливее в трудах мыслителей, в том числе и в творчестве Монтеня, звучит критика умозрительных схоластических идей средневековой философии. В открытой полемике с ней оттачивается философская мысль Монтеня, выражением которой являются «Опыты». Монтень обращается к исследованию человеческой природы, лишая ее средневековой маски трансцендентности, к человеку, существование которого не исключает Бога, но и больше не может быть ему вверено всецело. Монтень исследует человека в его конкретном бытии, в настоящем историческом и социальном мире, в котором он живет и существует, ведь только в нем он может обрести и познать свое подлинную человечность, свое Я. Человек как архитектор собственной жизни, познание своего внутреннего мира и мира социального, – вот предмет/объект изучения Монтеня. Человек, по Монтеню, – активный творец мира, который видит в практической деятельности результат своих поступков, своих пороков и добродетелей. Что значит быть человеком? Что значит оставаться человеком в сложном и противоречивом мире конфликтов между людьми, культурных различий и противоборствующих идеологий? Ответы на эти важные вопросы стремится отыскать философ на страницах своих «Опытов».

К работе над «Опытами» Монтень приступил в 70-е годы XVI в. В ситуации острой политической и социальной напряженности возрастает роль полемического жанра в литературе. В «Опытах» читатель может найти небольшие очерки о политических взглядах не только античных философов и писателей, с трудами которых был прекрасно знаком, но и его современников – французских писателей и политиков Этьена Ла Боэси и Жана Бодена.

Мишель де Монтень вошел в историю философии как философ-рационалист, для которого разум стоит выше всяких авторитетов. Утверждение безграничных возможностей разума в познании действительности, прежде всего, природы, было одним из центральных постулатов гуманистической доктрины Возрождения. Однако если для большинства европейских мыслителей эпохи Возрождения было характерно несколько романтизированное отношение к

человеку и к его безграничным возможностям познания мира, то Монтень опускает эти идеи, если можно так сказать, «с небес на землю», предпочитая более реалистично, правдиво и глубоко смотреть в суть противоречивой человеческой природы.

Взгляды Монтеня складывались не только под воздействием социально-политических процессов, происходивших во Франции в тот период времени. Он родился и вырос в обеспеченной и образованной семье. Его отец, Пьер Эйкем, в свободное от дел время много читал и даже писал на латыни стихи и прозу. Особенно он увлекался идеями итальянских гуманистов, с которыми познакомился, будучи в Италии. С детства он приучал Мишеля к латинскому языку, которым впоследствии мыслитель мастерски овладел, что позволило ему читать греко-римские философские и литературные источники. Когда мальчику было шесть лет, отец отдал его учиться в один из лучших колледжей Франции – в колледж Бордо, который Мишель де Монтень закончил экстерном благодаря блестящим знаниям. После окончания колледжа Монтень стал активно изучать право и начал работать на должности парламентского советника в Бордо. Однако работа чиновником не особо радовала будущего мыслителя, она казалась ему скучной и тяготила его. В 1570 году, когда Монтеню было 37 лет, он отказался от занимаемой им должности в парламенте и поселился в унаследованном после смерти отца в 1568 году замке.

Благодаря уединенному образу жизни и погружению в философские тексты и раздумья, в 1580 году во Франции он публикует две книги «Опытов», которые впоследствии неоднократно переиздавались при жизни Монтеня. В 1581 году Монтеня избирают мэром города Бордо, однако вспышка чумы, разразившаяся во Франции в этот период, вынуждает его оставить свой пост и замок и переехать в места, не затронутые эпидемией. После окончания вспышек чумы, в 1586 году Монтень возвращается в свой замок, разоренный и разграбленный в ходе гражданской войны. В течение двух лет Монтень дополняет «Опыты» и пишет третью книгу. Написанию «Опытов» в этот период сопутствовали яркие события, происходившие в жизни Монтеня: за поддержку короля он был посажен в Бастилию, однако по ходатайству Екатерины Медичи был отпущен на свободу; в это же время Монтень знакомится с будущей издательницей его «Опытов», его поклонницей и музой – Марией де Гурне.

Монтеня сложно назвать кабинетным философом. Он активно участвовал в событиях своего времени, переживал и сопереживал сложным междоусобицам и распрям, происходящим в смутное для горячо им любимой Франции время.

Участвовал в переговорах между Генрихом III и Генрихом Наваррским, между католиками и протестантами. Его можно назвать одним из главных моралистов своего времени. Он не только высоко ценил достоинства отдельного человека в вопросах нравственного воспитания, но и считал мораль важным условием государственного и гражданского мира между людьми. В течение жизни Монтень дополнял «Опыты» – свой главный философский труд. 13 сентября 1592 года Мишеля де Монтеня не стало, он умер после продолжительной болезни.

«Опыты» Монтеня начинаются со слов: «Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных…» Это краткое обращение уже много характеризует Монтеня-философа. Он начинает обращение к читателю с искренности по отношению к нему. Действительно, Монтень высоко ценил в человеке искренность и ставил ее в один ряд с наилучшими добродетелями человека. Искренность, по Монтеню, говорит о достоинстве человека, его способности строить здоровые и гармоничные отношения с другими людьми, открыто принимать и понимать мир. Что значит быть искренним? Это значит доверять другому, доверять честно и без практической выгоды для себя, не лукавя и не обманывая. Как актуальна эта добродетель в современном мире, как важно не потерять личную заинтересованность по отношению к другому человеку, чтобы быть и чувствовать себя по-настоящему счастливым! Поэтому не случайно, пишет Монтень, предваряя свой труд «Опыты»: «…я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого». Быть искренним – значит быть естественным, быть настолько открытым миру, чтобы иметь широкое видение его сложности, его противоречий и перипетий, его неоднозначных событий, уметь эти события толковать максимально широко и объективно, срывая любые маски частных интерпретаций. Только путь искреннего, открытого отношения к миру позволит человеку и на самого себя взглянуть предельно широко, открыть путь к самопознанию, пойти по стопам античного философа Сократа с его девизом «Познай самого себя». Пройти именно такой путь предлагает нам Мишель де Монтень в «Опытах».

На страницах книги мы видим простого человека, который остается философом. В его труде чувствуется самоотверженное стремление мысли отыскать истину. Чем философ отличается от софиста? Софиста не интересует истина, его интересует личная правда, индивидуальная победа в споре. Монтеня как философа интересует нахождение истины, которое состоит и в принятии точки зрения другого как возможного ее транслятора. В этом плане Монтень высоко ценил дружбу, которая дает возможность видеть в другом оппонента и при этом

не переставать уважать его как человека, которому можно доверять.

Когда читатель откроет для себя труд Монтеня, он не встретит там скучных наставлений или советов по воспитанию личных добродетелей. На страницах «Опытов» мы видим мысли простого человека, скромного и воспитанного, который пытается заглянуть чуть глубже и дальше, чем простой обыватель, приоткрыть завесу внешнего бытия, того, что кажется нам подчас очевидным и правильным. Несмотря на кажущуюся очевидность, истина не лежит на поверхности, она скрыта, как и само бытие, согласно древнему философу Гераклиту. Философ не тот, кто открывает или закрывает, философ всегда намекает, говорил Гераклит. Именно по этому пути предпочитает идти и Мишель де Монтень. Что значит намекнуть? Это значит, увидеть нечто большее за очевидностью – и этот взор доступен. Но доступен ли он абсолютно любому? Здесь Монтень выступает как скептик, он сомневается: истина существует, но чтобы ее найти, отыскать, нужно самому занять некоторую точку опоры, которая позволяет взглянуть на мир с устойчивой позиции по отношению к бытию, чтобы иметь мужество принять истину, а не поддаться софистическому релятивизму, согласно которому все в мире относительно, а, следовательно, для человека нет ничего значимого в познании. Для Монтеня значимой является истина. Однако путь к познанию истины ведет к незнанию, поскольку мир безграничен и незнание как конечная цель любого познания говорит не о слабости человеческого разума, а о его неисчерпаемых возможностях в познании мира.

В предлагаемом читателю сборнике собраны отрывки из кратких эссе М. Монтеня, объединенные в один труд «Опыты», состоящий из трех книг. Собранные отрывки касаются наиболее значимых идей и взглядов М. Монтеня на общество, человека и его добродетели.

Так, в Первой книге, как и в последующих двух, М. Монтень предстает читателю как блестящий знаток античной культуры: истории, философии, поэзии. Философ проявляет интерес к историческим и даже этнографическим особенностям быта отдельных народов. Первая книга отражает взгляды Монтеня как скептика на вопрос о познании мира и человека в нем. Человек для Монтеня – часть природы и центр общественной жизни, поэтому одним из главных вопросов, касающихся места человека в обществе, по Монтеню, является вопрос воспитания. Монтень считает, что воспитание тождественно образованию в духе сократовского тезиса «Добродетель есть знание». В этом смысле огромное значение имеет XXVI глава «О воспитании детей», в которой Монтень выдвигает идеи, предвосхищающие распространенный в современном

нам обществе подход к образованию и обучению, а именно – личностно-ориентированный подход. Согласно такому подходу к образованию, обучение зависит от личных особенностей ученика, его потребностей, возможностей и способностей. При этом важно разделять понимание учеником знаний и их формальное усвоение. На примере воспитания Монтень раскрывает суть своего скептического отношения к миру. Воспитание должно взращивать в человеке свободный разум, основанный на сомнении, освободить его от догматизма и умозрительных идей с целью опираться на реальные практические знания и расширять возможности собственного мышления. Поэтому личностно-ориентированный подход, основанный на понимании и развитии, невозможен без развития философского мышления и образования. Монтень описывает и сущность философии, которая состоит в объективном поиске истины в процессе диалога. Монтень оптимистично смотрит на философию, считая ее не сферой застывшего умозрительного теоретического знания о мире, а наукой, которая описывая реальную действительность, доставляет человеку радость и удовольствие от познания мира, будоражит его ум и развивает мышление.

Монтень выступает против релятивизма, но не против разума. Разум, как и стремление во всем соблюдать меру, заложен в человеческой природе. Тем не менее, Монтень выступает как поборник природного и естественного в человеке, считая природу основой всего существующего: человек вышел из природы, он ее часть и ее творец, преобразователь. В этом состоит суть гуманистической позиции Монтеня.

Во Второй и Третьих книгах Монтень выступает как критик европейской цивилизации и прогрессистских идей ее развития, считая все цивилизованное формой искажения и даже извращения естественного в человеке. Цивилизация с ее европейскими ценностями привела к развитию общественного устройства, которое нельзя назвать благополучным. Ведь сам Монтень жил в то время, когда цивилизованное развитие европейских стран принесло свои плоды в виде войн и распрей. Что человек имеет в результате цивилизованного развития? Всегда ли это можно назвать благом? С развитием цивилизации человек приобрел пороки, и порой то общественное развитие, которое человек понимает как прогрессистское и правильное, ведет к совершенно противоположным последствиям, хотя изначально это развитие было инициировано благими намерениями. В этом отношении примечательна глава «О каннибалах», в которой Монтень описывает разницу между народами, живущими согласно природе (туземцами) и народами, живущими согласно европейским ценностям.

В «Опытах» Монтень, известный читателю как философ, размышляющий о сути вещей, предстает перед нами как обычный человек, размышляющий на собственных примерах о смерти, о родительском любви, о собственном пути самопознания мира и о тех сомнениях на этом пути, с которыми он сталкивался в течение жизни. В этом произведении мы можем найти некоторые контуры важной гносеологической проблемы дуализма души и тела, которую позже поставит в своем философском творчестве другой французский философ и математик Рене Декарт.

Безусловно, Мишель де Монтень был человеком и философом своей эпохи. Он заметил и отчетливо выразил упадок феодального средневекового мышления, которое вместо того, чтобы открывать человеку безграничный мир познания и свободы, заключало его в тесные и конечные рамки догматического воззрения.

Монтень, высоко оценивая человеческий разум и его возможности, выступает против излишнего «разумоцентризма», то есть стремления понимать человека как абсолютного творца и господина мира. Природа материальна и дала человеку блага и возможности для его жизни и творчества, которые существуют независимо от его сознания и которые бесценны. Человеку остается принимать эти блага и не стремиться радикально преобразовывать мир, а размышлять над этим миром, скромно оставаясь в тени бытия.

Наталья Плужникова

Перевод с французского А. Бобовича, Ф. Коган-Бернштейн, Н. Рыковой

К читателю

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги – доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих

мыслей и благодаря этому восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободою изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотою нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги – я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!

Де Монтень

1 марта 1580 года

Книга первая

Глава VIII. О праздности

Как пустующая земля, если она жирна и плодородна, зарастает тысячами видов сорных и бесполезных трав и, чтобы заставить ее служить в наших целях, необходимо сначала подвергнуть ее обработке и засеять определенными семенами; как женщины сами собою в состоянии производить лишь бесформенные груды и комки плоти, а для того, чтобы они могли породить здоровое и крепкое потомство, их необходимо снабдить семенем со стороны, – так же и с нашим умом. Если не занять его определенным предметом, который держал бы его в узде, он начинает метаться из стороны в сторону, то туда, то сюда, по бескрайним полям воображения:

Sicut aquae tremulum labris ubi lumen ahenis

Sole repercussum, aut radiantis imagine lunae

Omnia pervolitat late loca, iamque sub auras

Erigitur, summique ferit laquearia tecti[1 - Как дрожащая поверхность воды в медном сосуде отражает солнце или образ сияющей луны и отблеск разлетается во все стороны, взлетает в воздух, касается резного потолка (лат.). Энеида, VIII, 22 сл.].

И нет такого безумия, таких бредней, которых не порождал бы наш ум, пребывая в таком возбуждении,

velut aegri somnia, vanae

Finguntur species[2 - Создаются образы, бессмысленные, как сон больного (лат.). Гораций. Наука поэзии. 7 сл.].

Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде:

Quisquis ubique habitat, Maxime, nusquam habitat[3 - Кто повсюду живет, Максим, тот нигде не живет (лат.). Марциал, VII, 73.].

М. Монтень в этой главе, как и в дальнейших главах этой книги, цитирует древнеримские источники (Вергилия, Горация, Марциала, Лукана). Философ высоко ценил древнеримскую философию, поэзию и культуру и был прекрасным ее знатоком. Произведения и мысли древнеримских поэтов и философов, как и философов Древней Греции, оказали значительное влияние на философские взгляды М. Монтеня. Идея того, что человеческое существование невозможно без какой-либо цели, что человеческая природа подчиняется требованиям разума как регулирующего принципа, является для М. Монтеня одной из центральных.

Уединившись с недавнего времени у себя дома, я проникся намерением не заниматься, насколько возможно, никакими делами и провести в уединении и покое то недолгое время, которое мне остается еще прожить. Мне показалось, что для моего ума нет и не может быть большего благодеяния, чем

предоставить ему возможность в полной праздности вести беседу с самим собою, сосредоточиться и замкнуться в себе. Я надеялся, что теперь ему будет легче достигнуть этого, так как с годами он сделался более положительным, более зрелым. Но я нахожу, что

variam semper dant otia mentem[4 - Праздность приводит к изменчивости настроения (лат.). Лукан, IV, 704.]

и что, напротив, мой ум, словно вырвавшийся на волю конь, задает себе во сто раз больше работы, чем прежде, когда он делал ее для других. И действительно, ум мой порождает столько беспорядочно громоздящихся друг на друга, ничем не связанных химер и фантастических чудовищ, что, желая рассмотреть на досуге, насколько они причудливы и нелепы, я начал переносить их на бумагу, надеясь, что со временем, быть может, он сам себя устыдится.

В этом фрагменте мы можем понять, что сподвигло М. Монтеня взяться за «Опыты». Будучи прекрасным знатоком античной культуры, он решил, словно равняясь на древних философов, предаться собственным философским размышлениям, чтобы познать самого себя. Согласно взглядам М. Монтеня, настоящее философствование возможно только в одиночестве, вдали от светской жизни. Именно в творческом уединении человек может плодотворно воспользоваться досугом. Однако, уединение, как пишет М. Монтень, принесло ему не душевное спокойствие, а, наоборот, тревогу, внутреннюю подавленность. Таким образом, его философские размышления, представленные в виде «Опытов» и перенесенные на бумагу, помогли философу обрести крепость духа, душевное спокойствие и самоконтроль.

Глава XXVI. О воспитании детей

Госпоже Диане де Фуа, графине де Гюрсон

Я не видел такого отца, который признал бы, что сын его запаршивел или горбат, хотя бы это и было очевидною истиной. И не потому – если только его не

ослепило окончательно отцовское чувство – чтобы он не замечал этих недостатков, но потому, что это его собственный сын. Так и я; ведь я вижу лучше, чем кто-либо другой, что эти строки – не что иное, как измышление человека, отведавшего только вершков науки, да и то лишь в детские годы, и сохранившего в памяти только самое общее и весьма смутное представление об ее облике: капельку того, чуточку этого, а в общем почти ничего, как водится у французов. В самом деле, я знаю, например, о существовании медицины, юриспруденции, четырех частей математики, а также, весьма приблизительно, в чем именно состоит их предмет. Я знаю еще, что науки, вообще говоря, притязают на служение человечеству. Но углубиться в их дебри, грызть себе ногти за изучением Аристотеля, властителя современной науки, или уйти с головою в какую-нибудь из ее отраслей, этого со мною никогда не бывало; и нет такого предмета школьного обучения, начатки которого я в состоянии был бы изложить. Вы не найдете ребенка в средних классах училища, который не был бы вправе сказать, что он образованнее меня, ибо я не мог бы подвергнуть его экзамену даже по первому из данных ему уроков; во всяком случае, это зависело бы от содержания такового. Если бы меня все же принудили к этому, то, не имея иного выбора, я выбрал бы из такого урока, и притом очень неловко, какие-нибудь самые общие места, чтобы на них проверить умственные способности ученика, – испытание для него столь же неведомое, как его урок для меня.

М. Монтень называет Аристотеля «властителем современной науки». Действительно, античный философ Аристотель был не только ученым-энциклопедистом своего времени (IV в. до н. э.), но и в XVI в., во времена М. Монтеня, продолжал считаться основателем науки и одним из наиболее авторитетных философов.

Я не знаю по-настоящему ни одной основательной книги, если не считать Плутарха и Сенеки, из которых я черпаю, как Данаиды, непрерывно наполняясь и изливая из себя полученное от них. Кое-что оттуда попало и на эти страницы; во мне же осталось так мало, что, можно сказать, почти ничего.

Сенека и Плутарх – известные философы Древнего Рима и Древней Греции, творчество которых оказало значительное влияние на философию М. Монтеня.

М. Монтень сравнивает свои усилия по черпанию знаний из книг, исключая произведения Сенеки и Плутарха, с бесплодным процессом, который не имеет цели и нескончаем по своей сути. Для иллюстрации М. Монтень использует сюжет известного древнегреческого мифа о Данаидах, которые были наказаны Аидом за убийство своих мужей тем, что должны были наполнять водой бездонную бочку.

История – та дает мне больше поживы; также и поэзия, к которой я питаю особую склонность. Ибо, как говорил Клеанф, подобно тому, как голос, сжатый в узком канале трубы, вырывается из нее более могучим и резким, так, мне кажется, и наша мысль, будучи стеснена различными поэтическими размерами, устремляется гораздо порывистее и потрясает меня с большей силой. Что до моих природных способностей, образчиком которых являются эти строки, то я чувствую, как они изнемогают под бременем этой задачи.

Клеанф – древнегреческий философ, последователь стоицизма, знаток риторики, прекрасно владел искусством слова. Стоицизм – философская школа, которая отстаивала нравственный идеал душевного покоя и автаркии (независимости человека от внешних жизненных условий).

Мой ум и мысль бредут ощупью, пошатываясь и спотыкаясь, и даже тогда, когда мне удается достигнуть пределов, дальше которых мне не пойти, я никоим образом не бываю удовлетворен достигнутым мною; я всегда вижу перед собой неизведанные просторы, но вижу смутно и как бы в тумане, которого не в силах рассеять. И когда я принимаюсь рассуждать без разбора обо всем, что только приходит мне в голову, не прибегая к сторонней помощи и полагаясь только на свою сообразительность, то, если при этом мне случается – а это бывает не так уж редко – встретить, на мое счастье, у кого-нибудь из хороших писателей те самые мысли, которые я имел намерение развить (так было, например, совсем недавно с рассуждением Плутарха о силе нашего воображения), я начинаю понимать, насколько, по сравнению с такими людьми, я ничтожен и слаб, тяжеловесен и вял, – и тогда я проникаюсь жалостью и презрением к самому себе. Но в то же время я и поздравляю себя, ибо вижу, что мои мнения имеют

честь совпадать иной раз с их мнениями и что они подтверждают, пусть издалека, их правильность. Меня радует также и то, что я сознаю – а это не всякий может сказать про себя, – какая пропасть лежит между ними и мною. И все же, несмотря ни на что, я не задумываюсь предать гласности эти мои измышления, сколь бы слабыми и недостойными они ни были, и притом в том самом виде, в каком я их создал, не ставя на них заплат и не подштопывая пробелов, которые открыло мне это сравнение. Нужно иметь достаточно крепкие ноги, чтобы пытаться идти бок о бок с такими людьми. Пустоголовые писаки нашего века, вставляя в свои ничтожные сочинения чуть ли не целые разделы из древних писателей, дабы таким способом прославить себя, достигают совершенно обратного. Ибо столь резкое различие в яркости делает принадлежащее их перу до такой степени тусклым, вялым и уродливым, что они теряют от этого гораздо больше, чем выигрывают.

Философская работа мысли, согласно М. Монтеню, состоит не в цитировании каких-либо древних философов. Цитирование не делает человека философом. Философ не цитирует, а пытается понять и обосновать свою позицию, осмеливаясь ставить свои рассуждения наравне с рассуждениями великих философов, не кичась своим разумом, а, скорее, наоборот, чувствуя слабость и ничтожность своего ума по сравнению с великими умами прошлого. Однако эта слабость и ничтожность не умаляет достоинств философа. Наоборот, благодаря этому осознанию, он становится способен увидеть пропасть между собой и великими философами, взглянуть на них и на себя как бы со стороны, более критически.

Разные авторы поступали по-разному. Философ Хрисипп, например, вставлял в свои книги не только отрывки, но и целые сочинения других авторов, а в одну из них он включил даже «Медею» Эврипида. Аполлодор говорил о нем, что, если изъять из его книг все то, что принадлежит не ему, то, кроме сплошного белого места, там ничего не останется. У Эпикура, напротив, в трехстах оставшихся после него свитках не найдешь ни одной цитаты.

Хрисипп – древнегреческий философ, ученик Клеанфа, развивал идеи стоицизма.

Эврипид – известный драматург Древней Греции. Написал трагедию «Медея», в основу которой был положен мифологический сюжет об аргонавтах.

Аполлодор – один из известных древнегреческих писателей, который описывал исторические события в Древней Греции.

Эпикур – древнегреческий философ, основатель философской школы, названной его именем. Эпикур, как и Сенека с Плутархом, оказал значительное влияние на философское мировоззрение М. Монтеня.

Однажды мне случилось наткнуться на такой заимствованный отрывок. Я со скукою перелистывал французский текст, бескровный, немощный, настолько лишенный и содержания и мысли, что иначе его не назовешь, как французским текстом, пока, наконец, после долгого и скучного блуждания не добрался до чего-то прекрасного, роскошного, возвышающегося до облаков. Если бы склон, по которому я поднимался, был пологим и подъем, вследствие этого, продолжительным, все было бы в порядке; но это была столь обрывистая, совсем отвесная пропасть, что после первых же слов, прочтенных мною, я почувствовал, что взлетел в совсем иной мир. Оказавшись в нем, я окинул взором низину, из которой сюда поднялся, и она показалась мне такой безрадостной и далекой, что у меня пропало всякое желание снова спуститься туда. Если бы я приукрасил какое-нибудь из моих рассуждений сокровищами прошлого, это лишь подчеркнуло бы убожество всего остального.

Порицать в другом свои недостатки, думается мне, столь же допустимо, как порицать – а это я делаю весьма часто – чужие в себе. Обличать их следует всегда и везде, не оставляя им никакого пристанища. Я-то хорошо знаю, сколь дерзновенно пытаюсь я всякий раз сравняться с обворованными мной авторами, не без смелой надежды обмануть моих судей: авось они ничего не заметят. Но я достигаю этого скорее благодаря прилежанию, нежели с помощью воображения. А кроме того, я не борюсь с этими испытанными бойцами по-настоящему, не схожусь с ними грудь с грудью, но делаю время от времени лишь небольшие легкие выпады. Я не упорствую в этой схватке; я только соприкасаюсь со своими противниками и скорее делаю вид, что соревнуюсь с ними, чем в действительности делаю это.

И если бы мне удалось оказаться достойным соперником, я показал бы себя честным игроком, ибо вступаю я с ними в борьбу лишь там, где они сильнее

всего.

Но делать то, что делают, как я указал выше, иные, а именно: облачаться до кончиков ногтей в чужие доспехи, выполнять задуманное, как это нетрудно людям, имеющим общую осведомленность, путем использования клочков древней мудрости, понатыканных то здесь, то там, словом, пытаться скрыть и присвоить чужое добро – это, во-первых, бесчестно и низко, ибо, не имея ничего за душой, за счет чего они могли бы творить, эти писаки все же пытаются выдать чужие ценности за свои, а во-вторых, – это величайшая глупость, поскольку они вынуждены довольствоваться добытым с помощью плутовства одобрением невежественной толпы, роняя себя в глазах людей сведущих, которые презрительно морщат нос при виде этой надерганной отовсюду мозаики, тогда как только их похвала и имеет значение. Что до меня, то нет ничего, чего бы я столь же мало желал. Если я порой говорю чужими словами, то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя. Сказанное мною не относится к центонам, публикуемым в качестве таковых; в молодости я видел между ними несколько составленных с большим искусством, какова, например, одна, выпущенная в свет Капилупи, не говоря уже о созданных в древности. Авторы их по большей части проявили свое дарование и в других сочинениях; таков, например, Липсий, автор ученейшей, потребовавшей огромных трудов компиляции, названной им «Политика».

Центон – стихотворение «гибридного» формата, содержащее в себе строки из других известных стихотворений. Центоном также может называться музыкальная композиция, содержащая в себе известные отрывки из других музыкальных произведений. Корни возникновения центона уходят в античность.

Капилупи Лелио – итальянский писатель первой половины XVI в., который прославился написанием центонов.

Липсий Юст – гуманист XVI в., профессор истории протестантского университета в Лейдене (Нидерланды). Известен тем, что издавал и комментировал работы античных философов и государственных деятелей.

Как бы там ни было, – я хочу сказать: каковы бы ни были допущенные мною нелепости, – я не собираюсь утаивать их, как не собираюсь отказываться и от написанного с меня портрета, где у меня лысина и волосы с проседью, так как

живописец изобразил на нем не совершенный образец человеческого лица, а лишь мое собственное лицо. Таковы мои склонности и мои взгляды; и я предлагаю их как то, во что я верю, а не как то, во что должно верить. Я ставлю своею целью показать себя здесь лишь таким, каков я сегодня, ибо завтра, быть может, я стану другим, если узнаю что-нибудь новое, способное произвести во мне перемену. Я не пользуюсь достаточным авторитетом, чтобы каждому моему слову верили, да и не стремлюсь к этому, ибо сознаю, что слишком дурно обучен, чтобы учить других.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и стольких других! До чего непохожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности; люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Кимон – древнеафинский государственный деятель и полководец.

Фемистокл – древнеафинский политик, один из основателей древнегреческой демократии.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, что они не в состоянии как следует усвоить. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах нужно неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем «Государстве» чрезмерно большое значение.

Платон – знаменитый древнегреческий философ. Автор «Государства», в котором он уделяет большое значение воспитанию детей как будущих граждан идеального государства.

Сударыня, наука – великое украшение и весьма полезное орудие, особенно если им владеют лица, столь обласканные судьбой, как вы. Ибо поистине в руках людей низких и грубых она не может найти надлежащего применения. Она неизмеримо больше гордится в тех случаях, когда ей доводится предоставлять свои средства для ведения войн или управления народом, для того чтобы поддерживать дружеское расположение чужеземного государя и его подданных, чем тогда, когда к ней обращаются за доводом в философском споре или чтобы выиграть тяжбу в суде или прописать коробочку пилюль. Итак, сударыня, полагая, что, воспитывая ваших детей, вы не забудете и об этой стороне дела, ибо вы и сами вкусили сладость науки и принадлежите к высокопросвещенному роду (ведь сохранились произведения графов де Фуа, от которых происходит и господин граф, ваш супруг, и вы сами; да и господин Франсуа де Кандаль, ваш дядюшка, и ныне еще всякий день трудится над сочинением новых, которые продлят на многие века память об этих дарованиях вашей семьи), я хочу сообщить вам на этот счет мои домыслы, противоречащие общепринятым взглядам; вот и все, чем я в состоянии услужить вам в этом деле.

Обязанности наставника, которого вы дадите вашему сыну, – учитывая, что от его выбора в конечном счете зависит, насколько удачным окажется воспитание ребенка, – включают в себя также и многое другое, но я не стану на всем этом останавливаться, так как не сумею тут привнести ничего путного. Что же касается затронутого мною предмета, по которому я беру на себя смелость дать наставнику ряд советов, то и здесь пусть он верит мне ровно настолько, насколько мои соображения покажутся ему убедительными. Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы, выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености; и нужно также, чтобы, исполняя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Для М. Монтеня важно воспитать человека как личность, а не наполнить его знаниями из разных наук.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышали. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он слушал также своего питомца. Сократ, а впоследствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами.

Obest plerumque iis qui discere volunt auctoritas eorum, qui docent.[5 - Тем, кто хочет научиться, часто мешает авторитет учителя. Цицерон. О природе богов, I, 5.]

М. Монтень считает, что учитель ребенка должен выступать скорее в качестве наставника, а не назидателя по наукам. Он приводит в пример известных античных философов, Сократа и Аркесилая, которые обучали учеников философии благодаря беседам и поддержанию интереса к предмету обсуждения, а не благодаря указаниям и наставлениям «как правильно» понимать этот предмет.

Пусть он заставит ребенка пройтись перед ним и таким образом получит возможность судить о его походке, а, следовательно, и о том, насколько ему самому нужно умерить себя, чтобы приспособиться к силам ученика. Не соблюдая здесь соразмерности, мы можем испортить все дело; уменье отыскать такое соответствие и разумно его соблюдать – одна из труднейших задач, какие только я знаю. Способность снизойти до влечений ребенка и руководить ими присуща лишь душе возвышенной и сильной. Что до меня, то я тверже и увереннее иду в гору, нежели спускаюсь с горы.

Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок и требуя от них одинакового поведения, хотя способности их вовсе не одинаковы, но отличаются и по силе и по своему характеру, то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из подобного преподавания.

Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его, и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни. И пусть, объясняя что-либо ученику, он покажет ему это с сотни разных сторон и применит ко множеству различных предметов, чтобы проверить, понял ли ученик как следует и в какой мере усвоил это; и в последовательности своих разъяснений пусть он руководствуется примером Платона. Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит, он не выполнил своего дела.

М. Монтень смотрит на процесс обучения не как на простое накопление знаний о каком-либо предмете. Он считает, что учеников необходимо учить мыслить, развивать мышление. Сама природа дала человеку способность самостоятельно мыслить, которую и необходимо развивать в процессе обучения. При этом обучение для М. Монтеня тождественно воспитанию личности и носит всегда личностно-ориентированный, сугубо индивидуальный характер.

Наша душа совершает свои движения под чужим воздействием, следуя и подчиняясь примеру и наставлениям других. Нас до того приучили к помочам, что мы уже не в состоянии обходиться без них. Мы утратили нашу свободу и собственную силу.

Nunquam tutelae suae fiunt.[6 - Они никогда не выходят из-под опеки (лат.). Письма, 33.]

Я знавал в Пизе одного весьма достойного человека, который настолько почитал Аристотеля, что первейшим его правилом было: «Пробным камнем и основой всякого прочного мнения и всякой истины является их согласие с учением Аристотеля; все, что вне этого, – химеры и суета, ибо Аристотель все

решительно предусмотрел и все высказал». Это положение, истолкованное слишком широко и неправильно, подвергало его значительной и весьма долго угрожавшей ему опасности со стороны римской инквизиции.

Ученик, привыкающий к указаниям «извне», согласно М. Монтеню, разучается самостоятельно мыслить.

Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдалбливает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние; пусть принципы Аристотеля не становятся неизменными основами его преподавания, равно как не становятся ими и принципы стоиков или эпикурейцев. Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор самостоятельно или по крайней мере останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности.

Che non men che saper dubiar m’aggrada.[7 - Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание (ит.). Данте. Ад, IX, 93.]

Сомнение, согласно М. Монтеню, является движущей силой мышления. Тот, кто пребывает в сомнении, учится самостоятельно мыслить и рассуждать, опираясь на собственные размышления, а не на авторитет учителя или великих умов древности, например, Аристотеля.

Ибо, если он примет мнения Ксенофонта или Платона, поразмыслив над ними, они перестанут быть их собственностью, но сделаются также и его мнениями. Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да ничего и не ищет.

Non sumus sub rege; sibi quisque se vindicet.[8 - Над нами нет царя; пусть каждый располагает собой (лат.). Письма, 38, 7.]

Ксенофонт – древнегреческий писатель, философ и историк, друг и ученик Сократа.

Главное – чтобы он знал то, что знает. Нужно, чтобы он проникся духом древних мыслителей, а не заучивал их наставления. И пусть он не страшится забыть, если это угодно ему, откуда он почерпнул эти взгляды, лишь бы он сумел сделать их собственностью. Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то-то столь же находится в согласии с мнением Платона, сколько с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаково. Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать нектар, который они целиком претворяют в мед; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Точно так же и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его ученье служат лишь одному: образовать его личность.

Хотел бы я поглядеть, как Палюэль или Помпей – эти превосходные танцовщики нашего времени – стали бы обучать пируэтам, только проделывая их перед нами и не сдвигая нас с места. Точно так же многие наставники хотят образовать нам ум, не будоража его. Можно ли научить управлять конем, владеть копьем, лютней или голосом, не заставляя изо дня в день упражняться в этом, подобно тому, как некоторые хотят научить нас здравым рассуждениям и искусной речи, не заставляя упражняться ни в рассуждениях, ни в речах? А между тем при воспитании в нас этих способностей все, что представляется нашим глазам, стоит назидательной книги; проделка пажа, тупость слуги, застольная беседа – все это новая пища для нашего ума.

Согласно М. Монтеню, воспитание и обучение невозможно без практики. Знание, лишенное практики, превращается в умозрительное, становится формальным, ограничивая человеческое мышление.

В этом отношении особенно полезно общение с другими людьми, а также поездки в чужие края, не для того, разумеется, чтобы, следуя обыкновению нашей французской знати, привозить с собой оттуда разного рода сведения – о том, например, сколько шагов имеет в ширину церковь Санта-Мария Ротонда, или до чего роскошны панталоны синьоры Ливии, или, подобно иным, насколько лицо Нерона на таком-то древнем изваянии длиннее и шире его же изображения на такой-то медали, но для того, чтобы вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других. Я бы советовал посылать нашу молодежь за границу в возможно более раннем возрасте и, чтобы одним ударом убить двух зайцев, именно к тем из наших соседей, чья речь наименее близка к нашей, так что, если не приучить к ней свой язык смолоду, то потом уж никак ее не усвоить.

Церковь Санта-Мария делла Ротонда – шедевр древнеримской архитектуры, представляющий собой огромный цилиндр (ротонду) с пристроенным к нему прямоугольным портиком.

Нерон – последний император Римской империи.

Недаром все считают, что неразумно воспитывать ребенка под крылышком у родителей. Вложенная в последних самой природой любовь внушает даже самым разумным из них чрезмерную мягкость и снисходительность. Они не способны ни наказывать своих детей за проступки, ни допускать, чтобы те узнали тяжелые стороны жизни, подвергаясь некоторым опасностям. Они не могут примириться с тем, что их дети после различных упражнений возвращаются потными и перепачкавшимися, что они пьют, как придется, – то теплое, то слишком холодное; они не могут видеть их верхом на норовистом коне или фехтующими с рапирой в руке с сильным противником, или когда они впервые берутся за аркебузу. Но ведь тут ничего не поделаешь: кто желает, чтобы его сын вырос настоящим мужчиною, тот должен понять, что молодежь от всего этого не уберечь и что тут, хочешь не хочешь, а нередко приходится поступаться предписаниями медицины:

Vitamque sub divo et trepidis agat

In rebus[9 - Пусть живет под открытым небом в непогоду (лат.). Гораций. Оды, III, 2, 5.].

Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его тело.

Здесь М. Монтень выступает как сторонник древнегреческого принципа античной этики – калакагатии, который состоял в гармоничном сочетании и единстве телесного и духовного в человеке.

Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она, несет его за двоих. Я-то хорошо знаю, как тяжело приходится моей душе в компании со столь нежным и чувствительным, как у меня, телом, которое постоянно ищет ее поддержки. И, читая различных авторов, я не раз замечал, что то, что они выдают за величие духа и мужество, в гораздо большей степени свидетельствует о толстой коже и крепких костях. Мне довелось встречать мужчин, женщин и детей, настолько нечувствительных от природы, что удары палкою значили для них меньше, чем для меня щелчок по носу: получив удар, такие люди не только не вскрикнут, но даже и бровью не поведут. Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее сказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться – это то же, что привычка терпеливо переносить боль:

labor callum obducit dolori[10 - Труд притупляет боль (лат.). Цицерон. Тускуланские беседы, II, 15.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Как дрожащая поверхность воды в медном сосуде отражает солнце или образ сияющей луны и отблеск разлетается во все стороны, взлетает в воздух, касается резного потолка (лат.). Энеида, VIII, 22 сл.

2

Создаются образы, бессмысленные, как сон больного (лат.). Гораций. Наука поэзии. 7 сл.

3

Кто повсюду живет, Максим, тот нигде не живет (лат.). Марциал, VII, 73.

4

Праздность приводит к изменчивости настроения (лат.). Лукан, IV, 704.

5

Тем, кто хочет научиться, часто мешает авторитет учителя. Цицерон. О природе богов, I, 5.

6

Они никогда не выходят из-под опеки (лат.). Письма, 33.

7

Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание (ит.). Данте. Ад, IX, 93.

8

Над нами нет царя; пусть каждый располагает собой (лат.). Письма, 38, 7.

9

Пусть живет под открытым небом в непогоду (лат.). Гораций. Оды, III, 2, 5.

10

Труд притупляет боль (лат.). Цицерон. Тускуланские беседы, II, 15.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-monten-_mishel-eke-m/opyty

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить